

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БОРЬБА С ЕРЕСЬЮ

Кроме задачи исправления церковных недостатков, перед церковным руководством и царем Иваном стояла и задача охраны православия от различных еретических взглядов. Середина XVI века — время широкого распространения в Западной Европе реформационных учений, которые могли в какой-то мере затронуть и Россию. Тем более, наша страна уже сталкивалась с еретиками. На рубеже XV—XVI веков широкое распространение получила ересь жидовствующих, некоторые адепты которой оказались в ближайшем окружении Ивана III. Лишь в самом конце его правления, в 1504 году, еретики были осуждены и их лидеры погибли в огне.

Ересь открылась в Москве в 1553 году. Как пишет летопись: «прязбе ересь и явися шатание в людех в неудобных словесах о Божестве»*. Первым из еретиков был обнаружен Матвей Семенович Башкин, владевший землями в Переяславском уезде и входивший в состав Государева двора. Он появился на исторической сцене еще в декабре 1547 года, когда выступил одним из поручителей за пытавшегося бежать в Литву князя Ивана Турунта-Пронского. Обстоятельства открытия его ереси таковы: в Великий пост в 1553 году (между 6 февраля и 2 апреля) Башкин пришел на исповедь священнику Благовещенского собора Симеону. Затем по просьбе Башкина Симеон приезжал

---

* ПСРЛ. Т. 13. С. 232—233.

к нему и вел беседы. Эти беседы показались священнику необычными: духовный сын говорил о том, что христианам не подобает у себя холопов держать. Сам Башкин заявил, что все грамоты на «рабов» «изодрал» и его люди живут у него добровольно, кто хочет, а если не нравится, то уходят.

Удивленный такими разговорами, Симеон сообщил о беседе своему коллеге по Благовещенскому собору Сильвестру: «пришел на меня сын духовный необычен... и многие вопросы простирает недоуменные: от меня поучения требует, а иное меня сам учит». Но первоначально священникам не в чем было упрекнуть Башкина, Сильвестр лишь заметил, что о нем ходят разные слухи — «слава про него недобро носится». На этом дело сначала и закончилось. Но в Петров пост (в июне) состоялась очередная беседа Симеона с Башкиным. На этот раз священник засомневался в ортодоксальности своего духовного сына. Сомнения в нем зародило толкование Башкиным Апостола «только не по существу, развратно». После разговора с Сильвестром было решено сообщить о своих сомнениях царю, который как раз в это время приехал в Москву из очередного богомолья.

Сильвестр и Симеон в присутствии Алексея Адашева и протопопа Благовещенского собора Андрея (духовника Грозного) сообщили о Башкине Ивану IV. Было решено попросить новоявленного еретика отметить все свои сомнения в Апостоле. Увидев полностью измененную книгу, царь приказал арестовать Башкина и поместить его в заключение под присмотр монахов Иосифова монастыря Герасима Ленкова и Филофея Полева*.

Таким образом, молодой монарх оказался первооткрывателем ереси, лишь затем к расследованию подключился митрополит. Первоначально арестованный не признавал своих заблуждений — «он же христиана себя исповеда, скры в себе вражию прелесть, сатанино еретичество, мяше бо безумный от Всевидящего Ока укрытися». Однако вскоре расследование принесло свои результаты. Летопись пишет, что Бог напустил на еретика свой гнев и Башкин «нача бесноватися, зле мучим от него, и язык свой долу извесившу, и на много время так мучим, и кричаша розными гласы, и по мучении злую свою ересь начат исповедать». Возможно, к арестованному применяли пытки, хотя никаких упоминаний об этом в источниках нет. Когда было

---

* Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 268–269, 272–274.

Максим Грек
Икона XVIII в.

получено признание, то об этом сообщили митрополиту, который приказал Башкину записывать свои «богохульные ереси».

Были обнаружены и сторонники Башкина. Ими оказались Григорий и Иван Тимофеевичи Борисовы, происходившие из Твери. Очевидно, были и другие еретики, но по именам они не названы. Следствие выяснило, что ересью Башкин был заражен от католиков, подданных Литвы Матюшки Аптекаря и Андрея Хотеева. Трудно сказать, так ли было в действительности или руководство Церкви стремилось лишь изобразить дело таким образом, чтобы подчеркнуть проiski иноверных.

Вскрывшиеся на следствии взгляды еретиков оказались примерно следующими: они «хулили» Иисуса Христа, считая его не равным Богу Отцу; отрицали таинства Церкви, считая, что в Евхаристии используются простые хлеб и вино; отвергали иконы; отвергали таинство покаяния; Писание называли баснословием, а Евангелие и Апостол излагали «развратно»; отвергали постановления Вселенских соборов; отрицали официальную Церковь. Для разбора дела осенью 1553 года был собран церковный Собор, на который съехались архиереи и другие церковные деятели. Специально пригласили даже находящегося

в это время в Троице-Сергиевом монастыре Максима Грека, который, впрочем, уклонился от приглашения, помня, вероятно, свои неприятности на Соборах 1525 и 1531 годов. Башкин и его сообщники были осуждены. Сам он попал в заключение в Волоколамский монастырь, а один из его товарищей Иван Борисов был отправлен на Валаам, откуда сбежал в Швецию*.

На этом розыск еретиков не закончился. Следствие по делу Башкина выявило, что и некоторая часть монахов заражена вольномыслием, особенно в заволжских пустынях. Оказалось, что они «злобы» Башкина «не хулили и утверждали его в том». По приказу царя и митрополита Макария подозреваемые монахи были доставлены в Москву**. Главной фигурой среди привезенных был Артемий, еще в недавнем прошлом царский любимец. О его жизни известно немного: вероятно, по происхождению он был псковичом, проживал в Псково-Печорском монастыре и Порфирьевой пустыни в Заволжье. Он был образованным для своего времени человеком, еще в бытность в Печорском монастыре ходил в Ливонию, желая провести богословский диспут с кем-либо из немецких богословов. Сохранилось и несколько его посланий царю Ивану. Из них становится ясно, что Артемий некоторое время был очень близким к нему лицом, приглашался к царскому столу. В мае 1551 года старец, несмотря на его нежелание, был поставлен игуменом главного русского монастыря — Троице-Сергиева. Но пробыл он здесь всего полгода, а затем, не спросясь церковных и светских властей, самовольно ушел в свою пустынь в Заволжье.

Во время нахождения Артемия в Москве, перед его поставлением в игумены, он проживал в Чудовом монастыре. Здесь с ним неоднократно беседовал Сильвестр, которому царь поручил «смотреть в нем всякова нрава и духовные ползы». Никаких сомнений в православии Артемия у Сильвестра тогда не возникло. Но в этот момент в столице появился один из учеников Артемия Порфирий, который общался с другим благовещенским священником, уже упоминавшимся Симеоном. Речи Порфирия показались Симеону подозрительными, и он поделился сомнениями с Сильвестром. Состоялось несколько бесед Сильвестра с Порфирием, о которых было доложено царю. Видимо, на обвинения в ереси его взгляды еще не подходили, но Иван IV, по

* ПСРЛ. Т. 13. С. 232–233; Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 161.

** Там же. С. 233; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 380.

сообщению источника, после этого стал внимательно приглядываться и к самому Артемию, и «вся Перфирьева учения слабостная и в учительстве его Артемия нача примечати по наречию». Постепенно царь отдаляется от Артемия, которого стал подозревать в тайном еретичестве. Самовольный его уход с игуменства окончательно расстроил их отношения*.

Впрочем, Артемий был доставлен в столицу не как обвиняемый, а для диспута с Башкиным и поселен в Андрониковом монастыре без охраны. Как он сам затем объяснял, он не желал вести с еретиком диспут, тем более уже ходили слухи, что Башкин дал показания против него самого и обвинил его в еретичестве. Старец решил бежать из Москвы обратно в Заволжье, однако этот шаг лишь ухудшил положение. Стали считать, что он бежал, опасаясь разоблачения своих взглядов. Он снова был задержан и отправлен в столицу уже как подозреваемый. Вместе с ним были доставлены и его ученики Савва Шах, Порфирий. Все они оказались обвиняемыми.

На Соборе первым обвинителем выступил Матвей Башкин. По его словам, Артемий отрицал поклонение иконам и некоторые церковные таинства. Старец отверг эти обвинения. Тогда были представлены шесть свидетелей, которые должны были подтвердить еретические взгляды Артемия. Часть свидетелей Артемий пытался отвести, но это ему не удалось. В первую очередь его обвинили в самовольном уходе из Москвы во время суда над Башкиным. Объяснения монаха выглядели неубедительными — он заявил, что бежал от клеветников, которые его обвинили. Собор решил, что Артемий виноват, так как должен был просить у властей возможность снять с себя все обвинения. На просьбу указать, кто же клеветал на него, старец не смог ничего ответить.

Одним из основных свидетелей обвинения был бывший игумен Ферапонтова монастыря Нектарий. По его словам, Артемий критиковал книгу Иосифа Волоцкого «Просветитель», не соблюдал постов, хвалил «латинскую» веру, не проклинал еретиков (осужденных в 1504 году). Часть этих обвинений пришлось признать, и Собор поставил ему в вину нарушение поста и стремление вести дискуссии с католиками, так как и без всяких диспутов ясно, что православная вера правильная. Самые страшные обвинения в «хуле» на Писание

---

* Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. С. 269, 274.

были отведены, так как другие свидетели не подтвердили этого. Один из свидетелей показал, что Артемий говорил о том, что нет пользы петь панихиды по умершим. Обвиняемый пояснил, что говорил это про тех, которые «жили растленным житием и грабили людей, что когда начнут петь по них панихиды и обедни, то нет им пользы и чрез то им муки не избыть». Собор осудил эти взгляды за то, что это отнимает у грешников надежду на спасение. Были еще и другие показания против Артемия, часть из которых Собор признал справедливыми.

В конце концов, по непонятным причинам, Артемий дал показания сам на себя, но не в ереси, а в «блудных грехах». По его словам, в 1551 году, когда его ставили в игумены в Сергиев монастырь, он своему духовному отцу признался в них, но духовник посоветовал ему забыть об этом. Вызвали духовника, который заявил о том, что ничего о своих «блудных грехах» Артемий не говорил. Тогда старец изменил свои показания и заявил, что исповедовался другому священнику, но имени его не помнит. Собор осудил Артемия за клевету на духовного отца, лишил священного сана и отлучил от Церкви. Кроме того, старец был отправлен в заключение в Соловецкий монастырь для того, чтобы не мог распространять свои ложные взгляды — «осудиша неисходными быти, да не сеют злобы своєю роду человеческому». Приговор по делу Артемия был вынесен в январе 1554 года. В заключении Артемий пробыл недолго, он смог бежать в Литву, где отказался от своих ошибочных взглядов и показал себя выдающимся борцом с католицизмом и реформаторством*.

К заключению были приговорены и некоторые ученики и друзья Артемия. Савва Шах оказался в Ростовской епархии, креститель лопарей Феодорит — в Кирилло-Белозерском. Впрочем, Феодорит вскоре был освобожден по просьбе некоторых бояр, тем более что осудили его лишь по подозрению в связях с Артемием, а никаких доказательств его вины у Собора не было. По свидетельству Курбского, Феодорит отказался подтвердить обвинения, предъявляемые Артемию, за это и поплатился**.

Еще одним свидетелем против Артемия должен был стать старец Соловецкого монастыря Иоасаф Белобаев, но и он отказался подтвердить

---

* ПСРА. Т. 13. С. 233; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 382–384; Акты Археографической экспедиции. Т. 1. № 239.

** Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 382–386.

предъявляемые обвинения. В результате — сам попал под подозрение. Такой поворот событий вызвал скандал. Один из участников Собора епископ Кассиан Рязанский был учеником Белобаева и выступил в его защиту, причем стал «хулить» книгу Иосифа Волоцкого «Просветитель», посвященную обличению еретиков. Развернувшиеся споры привели к тому, что у Кассиана, видимо, случился инсульт: у него отнялись рука, нога и язык. Впрочем, сам Кассиан не был осужден, а ушел на покой (оставил епископию по состоянию здоровья)*.

Если Артемий был скорее лишь заблуждающимся по отдельным вопросам, то один из его учеников Феодосий Косой был самым радикальным из русских еретиков. О нем мало что известно. Он был холопом в Москве, а затем бежал на Белоозеро, где и постригся в монахи. Вскоре его учение принимает крайний характер и о нем становится известно властям. Его с ближайшими сторонниками арестовывают (около 1554—1555 годов) и доставляют в Москву на суд. Здесь, воспользовавшись небрежностью охраны, Косой и его ученики бежали и вскоре оказались в Литве. Преследование его сторонников продолжалось еще несколько лет. В 1556—1557 годах церковный Собор осудил его учеников.

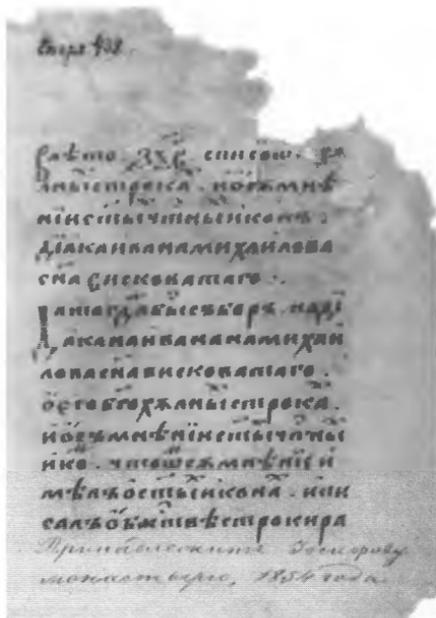
Основные положения учения Феодосия Косого определяются по сочинениям противника его взглядов монаха Зиновия. Прежде всего, Косой отрицал Троицу и учил, что Бог един. Христа он считал простым человеком, главными книгами считал Пятикнижие Моисея, отрицал большинство Писаний святых Отцов и постановления Вселенских соборов, отрицал необходимость существования церковной иерархии, таинства, иконы, поклонение кресту, необходимость молитв. Крайне негативно Феодосий относился и к существующему общественному порядку**.

На церковном Соборе 1553—1554 годов, осудившем за ересь Башкина, Артемия и других, слушался и еще один, весьма неожиданный вопрос: разбор мнений руководителя Посольского приказа Ивана Михайловича Висковатого. 25 октября 1553 года Иван IV обсуждал с митрополитом Макарием проблемы, связанные с «прежним соборным Уложением», то есть со Стоглавом. Речь шла о необходимости привести церковную практику с решениями Стоглавого собора. Среди

---

* Московские соборы на еретиков // Чтения Общества истории и древностей российских. Кн. 3. 1847.

** *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 182—214.

Судное дело Ивана Висковатого
Список XVI в.

прочих рассматривался вопрос и об иконописании. Макарий сообщил государю о том, что в Москве учреждены специальные должности старост, в задачу которых входит наблюдение за тем, чтобы иконописцы пользовались авторитетными образцами и учились у хороших мастеров.

Внезапно к разговору присоединился дьяк Висковатый, который подверг критике некоторые новые иконы. Его возмущало то, что на них изображались невидимое Божество и бесплотные силы. Митрополит резко возразил, заявив: «живописци невидимаго Божества не описуют, а пишут по пророческому видению, и по древним образцом, по преданию святых Апостол и святых Отец... Стал еси на еретики, а ныне говоришь и мудствуешь негораздо о святых иконах, не попадися и сам в еретики, знал бы ты свои дела, которые на тебе положены, не разроняй списков». Как видим, прозвучала недвусмысленная угроза, и действительно, мирянам не подлежало судить о вопросах, которые находятся в компетенции духовенства. На это и обратил внимание митрополит.

Однако угроза не возымела действия: в ноябре Висковатый представил Макарию целое сочинение, в котором подвергались критике некоторые иконы и другие изображения, появившиеся в Москве

после великого пожара 1547 года. Дьяк просил разобрать его мнения при участии Освященного собора и дать ответ по поводу его сомнений в каноничности изображений. Митрополит обратился к царю, и Грозный предписал рассмотреть сочинение дьяка.

Церковный Собор обсудил мнения Висковатого — его «список» зачитывали по отдельным пунктам и митрополит давал ответ на его критику. Основные претензии посольского дьяка касались изображения Бога-Отца в виде старца и Сына Божьего в необычном виде. Большинство претензий к новым изображениям было отвергнуто как необоснованные, Собор указал, что подобные изображения есть и в древних греческих храмах, и в Великом Новгороде и Пскове. Впрочем, по некоторым пунктам дьяк оказался прав, и церковные власти распорядились переписать часть фрагментов икон.

Кроме недоумения от церковной живописи, Висковатый намекнул на возможную связь с еретиками благовещенского священника Сильвестра, который в той или иной мере был связан и с обнаружением ереси Матвея Башкина, и с поставлением Артемия на пост игумена Сергиева монастыря. Затем появление ряда новых икон дьяк связал с «мудрствованиями» священника. Это показывает, что выступление посольского дьяка было в некоторой мере политическим и отражало борьбу за влияние на молодого царя среди его окружения. Однако обвинения Висковатого затрагивали не только Сильвестра, но и самого митрополита, так как благовещенский поп был его сподвижником. Вполне вероятно, что обвинения в адрес священника инспирировались не лично дьяком, а стоявшими за его спиной силами. Возможно, это были новые родственники Ивана IV по жене Захарьины-Юрьевы, один из которых был привлечен в качестве свидетеля по делу при рассмотрении мнений Висковатого. Самому Сильвестру также пришлось выступить на Соборе, оправдываясь от обвинений. Ему это полностью удалось, Висковатый был вынужден публично принести извинения. Очевидно, что полное оправдание благовещенского священника на Соборе, осуждавшем людей лишь по одному подозрению в еретичестве (как некоторых свидетелей по делу Артемия), было возможно лишь при поддержке Макария.

Сам же Висковатый был признан виновным в том, что «сумнение имел о святых иконах, и писал о Божестве строки развратны». В самом конце декабря 1553 года Собор принял решение об отлучении посольского дьяка от Церкви. Для людей того времени это было чрезвычайно суровое наказание. Через две недели Висковатый в присутствии царя,

митрополита и всего Собора «каался и прощался, и рукописание о своем покаянии дал». Духовенство сочло возможным изменить меру наказания и решением 14 января 1554 года ограничилось наложением трехлетней епитимьи. Срок определялся тем, что именно три года дьяк имел «сомнение» о «честных иконах» и «возмущал народ православных христиан в соблазн и в поношение многим». Дьяку запретили даже держать дома священные правила и вообще рассуждать о вопросах веры*.

Следует обратить внимание на то, что приговоры по всем еретическим делам 1553—1554 годов были сравнительно мягкими, в отличие от приговоров начала XVI века, когда часть еретиков была приговорена к сожжению. В отечественной литературе часто утверждается, что учения еретиков имели прогрессивный характер и были близки с Реформацией на западе Европы**. Но изучение источников, связанных с делами еретиков, приводит к выводу о том, что их осуждение было единственным правильным и справедливым решением. Если бы «учения» еретиков широко распространились, то страну ожидала бы, скорее всего, религиозная война, подобная тем, какие терзали Германию и Францию в течение десятилетий. В таких условиях задача властей состояла в том, чтобы не допустить широкого распространения среди населения идей «вольнодумцев» и уберечь таким образом страну от внутренних (а затем и внешних) потрясений.

---

* Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. С. 224—274.

** Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 5—8; Он же. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 129; Янов А. Л. Тень Грозного царя: Загадки русской истории. С. 33—59; Он же. Россия: У истоков трагедии. 1462—1584. С. 151—152.